



ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Животные, люди, места, вещи





Цель: раскрыть генезис, основные этапы становления и развития научных представлений о художественной литературе с позиций концепции о комплексности жизни и ее отражения в искусстве.

Ключевые слова: животные, люди, места, вещи, теория комплексности

Введение в раздел «Животные, люди, места, вещи»

Новая материалистическая литературная теория ставит под вопрос гуманистическую иллюзию, что люди отличаются от материальных процессов, в которые они погружены, и отличаются от низших, неразумных существ вокруг нас, которые больше потребляют ресурсов, чем воспроизводят. Согласно этой иллюзии, люди прогрессивно изменяют материальный мир, выстраивая цивилизацию из ничего. Используя науку и технику, мы освоили мир, овладев нашими превосходными познавательными способностями и превратив их во что-то полезное для прогресса человечества. Золото – обычный минерал, но когда оно обозначено человеческими конвенциями, оно становится высшим показателем ценности, чем-то полезным, а не нейтральным. То же самое касается литературы с гуманистическими иллюзиями: мы используем наше воображение для преобразования физических явлений в идеи. При этом мы участвуем в высшей форме идеализации, которая отделяет нас от мира и основывает наше чувство свободы, превосходства и господства. Как люди, а не просто материальные вещи, мы имеем лицензию на поступки, которая превосходит все экологические ограничения на наше поведение. Мы управляем землей, и то, чем мы управляем, является биосферой, уступающей нам во всех отношениях. Мы одни свободны в нашем мире.

Эта гуманистическая иллюзия возникла в эпоху Возрождения как альтернатива христианской религиозной мифологии. По сравнению с догматизмом римско-католической церкви, которая в течение почти тысячелетия до эпохи Возрождения доминировала в политической жизни Западной Европы и которая требовала подчинения человека диктату религиозного права и церковной доктрины, гуманизм был прогрессивным, материалистическим и критическим. Он подчеркивал важность научного мышления и сосредоточил внимание на «здесь и сейчас» жизни человека, а не на человеческих отношениях в мифическом духовном царстве, статичном и неизменном. Гуманизм оказал поддержку новой версии христианства под названием протестантизм, которая заменила коллективное подчинение индивидуальным стремлением. Согласно гуманизму, человеческая жизнь должна быть главной задачей отражения в философии, искусстве и литературе.

Наука под гуманистическим покровительством предполагала, что познающий субъект отделен от материального мира. В этом «картезианском» дуализме (после Рене Декарта, который впервые обозначил эту идею) знание производится в результате анализа субъектом его мирских объектов, как будто сознание и материя различны. Критики гуманизма связывают это разделение человека с материальными объектами с другими проектами современной эпохи, такими как подчинение природы человеческим технологиям, колонизация неевропейских народов, подчинение жизни расчету и получению прибыли при капитализме и превращение земли в гигантскую скотобойню для нужд потребления человеком. В этой критической оценке объективистская научная и философская эпистемология фундаментально неэтичны. Они выключают человека из разряда других существ, перед которыми он должен чувствовать ответственность, и из материального мира, частью которого он должен себя чувствовать.

Слово «либерал» часто ассоциируется с гуманизмом. «Либерал» предполагает свободу мысли, открытость ко всем видам знаний. «Либеральные искусства» состояли из таких форм знания, как философия, история, литература и искусство, которые позволяли людям более полно участвовать в политической жизни общества, не скатываться к догматическим убеждениям и быть хорошо разбирающимися в сферах, способствующих широте взглядов или открытости мысли. Слово «либерал» в этом смысле воплощает научный и антидогматический дух гуманизма.



Слово «либерал» также подчеркивает «свободу» человека и его или ее право осуществлять «свободу» мысли, действия и намерения. Это значение подчеркивает критику гуманизмом политического и религиозного авторитаризма. Доктрина политически и экономически свободного индивида может рассматриваться как сопутствующая концепция разделения предмета и объекта в картезианской эпистемологии. Субъект знания должен посредством научного анализа прийти к своим собственным идеям, а не подчиняться церковной власти.

После ослабления римско-католической власти в таких странах, как Англия и Нидерланды, к шестнадцатому столетию принцип свободы использовался для поощрения прав человека против диктата монархического государства, практики свободного выбора в политическом представительстве и идеале свободной рыночной экономики при капитализме (который первоначально возник как оппозиция государственным монополиям). К концу XVIII века идея свободы была связана с «республиканскими» (или народно-демократическими) ценностями и политическими движениями.

Но с ростом социализма в девятнадцатом веке как эгалитарной альтернативы капитализму, гуманистический идеал свободы поменял свой смысл и стал идеологическим оружием тех, кто придерживался консервативной стороны политического спектра, кто видел «свободу» как способ оправдания неравенства в результате «свободного» осуществления человеческой воли. С появлением гуманизма развилось также ощущение, что некоторые из нас выходят за рамки человеческой нормы. Якобы некоторые из нас более «соответствуют», более «подходят», более способны, более добродетельны, более благородны и, как следствие, более человечны. Наука в своем объективистском режиме помогла определению людей в рамках приемлемой нормальности, установив стандарты здоровья и патологии, которые часто были подкреплены моральными ценностями (такими как нормальные гетеросексуальные и больные гомосексуальные). Гротескное удовольствие Франсуа Рабле (его странно сформированный, антинормативный человек) в позднем средневековье уступает место характеристикам морального несовершенства из-за физической деформации в «Королеве фей» Эдмунда Спенсера.

Отношение к тем, кто считается ненормальным, всегда были мерилем сострадания, и Ф. Скотт Фицджеральд свидетельствует о сочувствии к множеству ненормальных персонажей, которые появляются на его вечеринках. Но именно в отношении подвергшегося остракизму и очерненного еврея Мейера Вольфсхайма он, по-видимому, наиболее критично отнесся к стандартным определениям, которые когда-то были менее человеческими и непригодными для обычного «белого» общества. Манера речи Вольфгейма («отрицание отрицания» как «средство общения») представлена как порча речи. Фицджеральд является одним наиболее ярких разрушителей системы нормы/девиантных ценностей, когда он изображает Тома Бьюкенена, лукавого воплощения скандинава, похожего на самого себя, иногда почти неспособного говорить. В деструктивном движении «инвалидность», порча языка является генерализованной, полагает Фицджеральд.

Постгуманистическая теория рассматривает либеральный гуманизм как идеологию, которая позволяет людям убийственно эксплуатировать природу из соображений собственной пользы. Доктрина об индивидуальных правах – это уловка собственников, особенно в практике «неолиберального» или нео-индивидуалистического свободного рыночного капитализма, который измеряет все в зависимости от того, насколько оно отвечает индивидуальным правам собственности и способствует накоплению богатства меньшинству частных.

Постгуманистическая теория также ставит вопрос об отделении человеческого субъекта от материального мира. Современная теория нового материализма утверждает, что человека и мир следует рассматривать как нечто не совпадающее. Она опирается на работу таких философов, как Жиль Делез, который видит людей погруженными в потоки материи, которые превосходят границы человеческого волеизъявления, и таких ученых, как Линн Маргулис, который утверждает, что люди должны рассматриваться как одна из форм жизни среди многих других в сложной экосистеме, в которой бактерии играют гораздо более важную роль, чем люди. Наша способность мыслить становится возможной благодаря бактериальным митохондриям в нашем мозгу. «Причина», которая возвышает нас над животными, является микробной по происхождению – вряд ли это является поводом для излишней гордости.



Теория комплексности всего живого, его взаимозависимости, также подтверждает идею о том, что мы, люди, должны начать определять себя не с точки зрения понятия «свободная воля» или гуманистической иллюзии антропологического превосходства, а скорее с точки зрения нашего погружения в материальные процессы, которые превращают наши потенциальные или фактические состояния единения с природой во что-то неожиданно новое, объединяющее меньшие части в более крупное, более сложное целое.

Наши тела представляют собой агрегаты с негерметичными границами, непрочной идентичностью, а наше преобразование из одноклеточного существа в сложный организм требует нескольких переходных состояний, которые зависят от добрососедских взаимодействий с окружающей нас средой. Сама человеческая жизнь должна рассматриваться как сеть отношений, которая фактически позволяет возникать все более высоким формам организации. Поэтому наше отношение к материальным вещам, которые мы делаем, и вещам, от которых зависит наша жизнь, должно быть пересмотрено, как и наше место в различных средах, как физических, так и биорегиональных. Если граница между человеческим и материальным миром нечеткая и текучая, то тот факт, что нам нужно дышать, глотать и т.д., чтобы затем с высокой гуманистической позиции создавать блестящие литературные произведения, заставляет индивида казаться открытым обществу и дружелюбным. Подобным же образом то, что мы создаем, становится значимым для нас как элементы материальных культурных процессов, которые поддерживают человеческую жизнь. Автомобили, одежда, компьютеры, книги, флаги, обмундирование, оружие, игры – все это имеет для нас значение. Они конструируют нас так же, как и мы конструируем их.

Одна из самых важных вещей в нашей жизни – это пища. Убивание нечеловеческих существ ради еды выпадает из нашего поля зрения, потому что, увидя, например, как убивают и расчлняют коров энтузиасты «гамбургеров» будут сильно расстроены. Антропологическая археология уменьшила расстояние между человеческими существами и другими видами приматов, которых мы привыкли считать «животными» – тех, что Донна Харауэй называет «сопутствующими видами». Признание того, что другие животные думают и чувствуют себя так же, как мы, имело важный эффект в усилении аргументации в пользу прекращения их массового убоя ради нашей кулинарной выгоды и привлечения внимания к идее, что животные тоже имеют права. Литература и визуальная культура часто привлекают животных в качестве изображений, символов, измерения моральных качеств, персонажей художественных текстов и т. д. В комедии «Начинающие» (2010) Майка Миллса, например, терьер играет важную роль в динамике сюжета и даже служит адвокатом и терапевтом для главного героя, человека, который испытывает проблемы с коммуникабельностью и чей отец в возрасте 75 лет решает прекратить отрицать, что он гей, берет молодого любовника и открывает для себя путь к наслаждению жизнью. Показательно, что то что история о толерантности выражает такую высшую эмпатию и терпимость и к животным.

В материальной культуре важную роль играют также многие произведения литературы в качестве мерил нравственных качеств персонажей или внешних маркеров их внутренних психологических и моральных состояний. Одежда является маркером принадлежности к социальному сословию, и она часто выражает внутренние состояния или условия среды, на которые писатели обращают особое внимание. В «Великом Гэтсби» Том Бьюкенен кажется великолепным в своей верховой одежде, как будто он путешествует вокруг света, в то время как розовый костюм Джей Гэтсби говорит о ее большей гибкости, а также более спокойному отношению к протестантизму и его неодобрению демонстративности в одежде. Розовый костюм – это и моральная позиция, и форма одежды.

Литература также обычно описывает человеческую жизнь в конкретных физических условиях, которые значимы для изображаемых историй. В романе «Моя Антония» Уиллы Кэсер повествуется о скандинавских иммигрантах, приезжающих в Америку в девятнадцатом веке, где каждый слой земли имеет смысл; он несет отпечаток своих коренных жителей, коренных народов; и с каждым новым поколением добавляются новые слои человеческого импринтинга. Европейские поселенцы живут на этой земле буквально с самого начала, выкапывая дома в земле, как норы – животные. Почти досимволический характер их существования позволяет



Кэсер противопоставить позже эту идиллию пасторальной простоты и добродетели менее добродетельному и более расчетливому духу города, где деревенские девочки превращаются в менее привлекательных персонажей. Роман «Кракен» Чайны Мьевиль тоже инверсирует и подрывает пасторальную иерархию природы, возвышающуюся над городом. Природа теперь находится в музее, сохраненном для человека. Город – это разнообразный спектр жизни и культурных возможностей. Но в конце концов природа и город сливаются, и становится невозможным отличать одну сферу от другой по критерию их ценности.

Однако не всякая связь человека и природы прогрессивна. Популярный правый писатель-фантаст Терри Гудкинд присоединяет человеческие элементы к описанию природы в попытке обосновать сомнительные либеральные ценности, а в романе «Бойцовский клуб» вызывает фашистские идеалы, основанные на видении природы, преодолевающей цивилизацию, и изображает утопию патриархального мужества, отделенного от всех принципов материнской заботы природы.

Гуманистическая иллюзия индивидуальной свободы человека и отделения его от другого материального мира представляет собой прогрессивную альтернативу материализму, но по мере появления новых более сложных способов мышления о жизни она приобретает все более регрессивный и реакционный характер. «Свободному» индивиду, который должен быть материалистически адетерминирован, не надо забывать, что каждый день мы все, независимо от того, насколько свободны и недетерминированы, должны справлять свои естественные потребности.

Как пишет Майкл Райан, в некотором смысле мы являемся не чем иным, как фабриками по производству экскрементов с лампочками, которые мы принимаем за «высшие формы сознания», но эволюционная цель которых может помочь нам в свою очередь в создании питательных экскрементов для экосистемы, очень маленькой частью которой мы являемся. Теория комплексности жизни, напоминая нам, что сложные состояния возникают из более простых, менее организованных элементов, указывает на важную роль когнитивной идентификации в жизни человека. И это предполагает большую роль вероятности, случайности и непредсказуемости в асубъективных материальных процессах, частью которых мы являемся.

Многие из великих произведений, о которых Майкл Райан говорит в рассматриваемой книге, печально или плохо заканчиваются, как будто писатели напоминают нам снова и снова не слишком серьезно относиться к гуманистической иллюзии. Король Лир Шекспира, выступающий против необузданного неорганизованного эгоизма человеческой цивилизации, кажется неуживчивым, в то время как «Великий Гэтсби» Фицджеральда изображает индивидуальные устремления, сталкивающиеся со звероподобностью коммерческого мира, в котором необходимо накопить как можно больше, чтобы выиграть независимо от квалификации или свойств личности.

Никогда не смущаясь перспективой неудачного конца, Элис Манро в своих рассказах снова и снова исследует сложную материальность жизни – в том плане, что она не соответствует нарративам надежды и искупления, применяемым к ней либеральным гуманизмом с его предположительно прогрессивной идеализацией «индивидуума»; что она уклоняется от основного пути и неожиданно сворачивает в другую сторону; что она менее предсказуема, чем непредсказуема. Манро часто повторяет один и тот же вопрос своим читателям: «Значит, вы думаете, что счастливы, не так ли?». Но в ее мире автомобиль всегда может свернуть с дороги, потому что индивидуум никогда не контролирует ситуацию.

Вопросы для закрепления темы:

1. Как вы понимаете основную концепцию этого раздела?
2. Какие гуманистические иллюзии имеет в виду автор книги Майкл Райан?
3. Почему эта методика анализа художественного текста так актуальна сегодня?



Литература:

1. Slovic S. The Third Wave of Ecocriticism: North American Reflections on the Current Phase of the Discipline. *Ecozone*, 2010, no. 1, pp. 4-10.
2. Payne M., Barbera J.R. (eds.) *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. Singapore: Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 205-209.
3. Baldick Ch. Ecocriticism. In: *The Oxford Dictionary of Literary Terms*. Oxford University Press, 2008. Oxford Reference Online. National Library of Australia.
4. Gersdorf C., Mayer S. (eds.) *Nature in Literature and Cultural Studies. Transatlantic Concersation on Ecocriticism*. Amsterdam: Radopi, 2006.
5. Tredinnick M. (ed.) *A Place on Earth. An anthology of nature writing from Australia and North America*. Sydney: University of New South Wales Press Ltd., 2003, pp. 25-47.
6. Murphy P.D. *Ecocritical Explorations in Literary and Cultural Studies: Fences, Boundaries, and Fields*. Plymouth: Lexington Books, 2009.
7. Phillips D. *The Truth of Ecology: Nature, Culture, and Literature in America*. New York: Oxford University Press, 2003.
8. Tredinnick M. Interview by Kay Rozynski. Available at: <http://cordite.org.au/interviews/mark-tredinnick/>. (Accessed: 02nd July 2014).
9. Maran T. Towards an integrated methodology of ecosemiotics: The concept of nature-text. *Sign Systems Studies*, 2007, no. 35.1/2, pp. 269-294.
10. Гречишкина С. В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы //Вестник Томского государственного университета. 2014. No 387. С. 8–14.